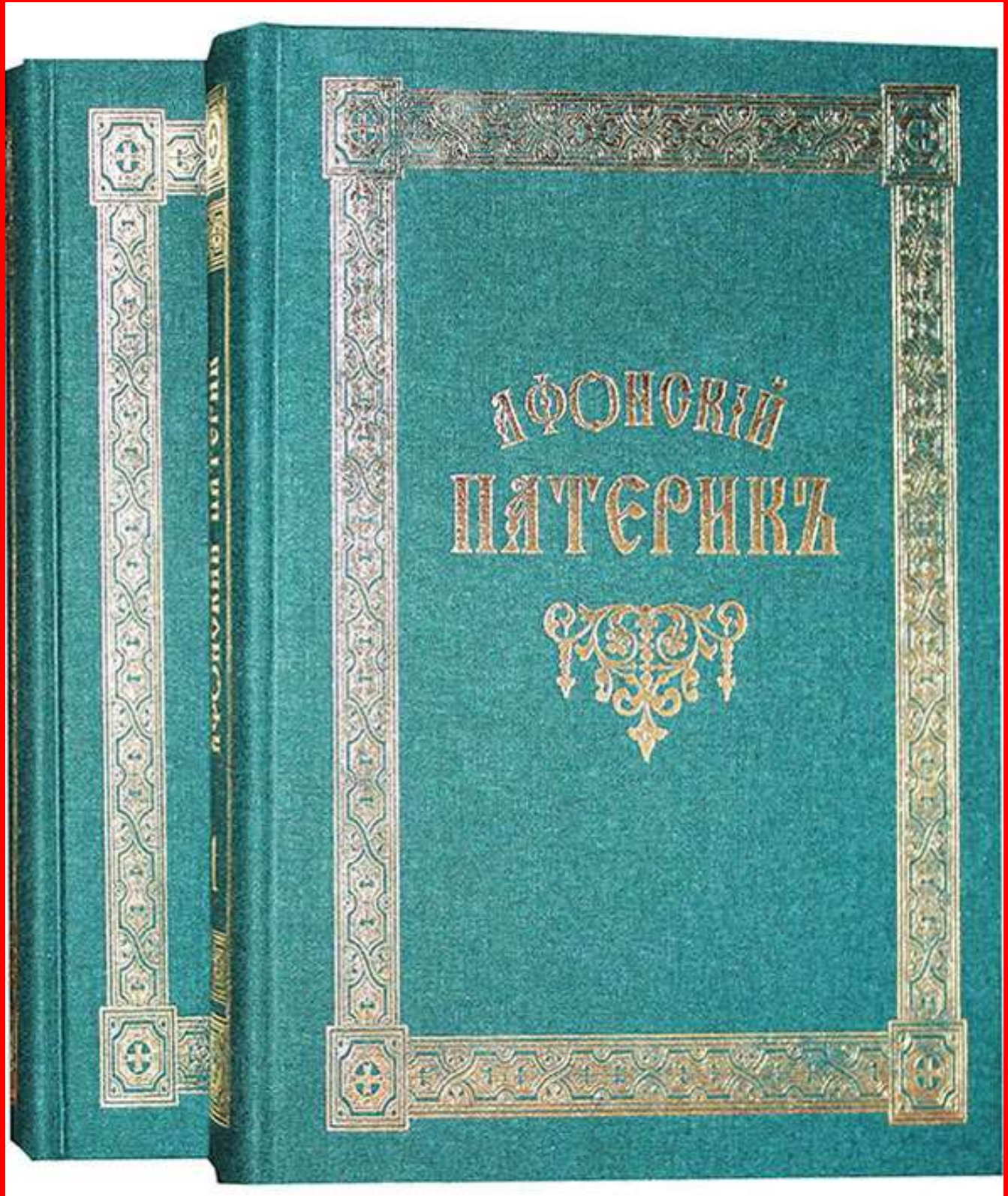

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT II

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

21 ОКТЯБРЯ

Житие и подвиги преподобного отца нашего Филофея²⁸⁷

Земная отчизна божественного Филофея, нареченного при святом крещении Феофилом, была Хрисополь, что в Македонии. Родители его были из города Елатии азиатской. По чувству страха и опасений со стороны безчеловечных турок оставив Елатию, удалились они в Хрисополь, где скончался отец Филофея, оставив в сиротстве брата его и его самого. Мать их, проводя скитальческую жизнь в земле чужой, где не было у нее ни родственных связей, ни приязни дружества, как странница со своими сиротами оставалась в презрении у граждан и терпела от них различные обиды. В таком страдальческом положении она оплакивала вдовий свой жребий, а дети ее – свое сиротство. В тогдашнее время турки при безнаказанности со стороны правительства и при варварском владычестве своем над христианами отнимали у них детей и либо насильно, либо ласками увлекали их в исламизм, делая их таким образом из чад Божественного света чадами тьмы и заблуждений. В числе прочих похищен был от вдовствующей матери и Филофей со своим братом и представлен к Амире, который

приказал их бросить в темницу. Несчастливая мать, заливаясь слезами, плакала то о детях своих и вдовстве, то об убожестве и совершенном пренебрежении от всех и все свое утешение находила только в чаянии милости и заступления от Царицы Небесной, Пресвятой Девы Марии Богородицы, к Которой молитвенно прибегала в плаче и в страдальческих слезах, поручая Ей как себя, так, в особенности, детей и умоляя Ее о спасении их от козней сатанинских и избавлении от плена агарянского. Молясь с верою, она была услышана: дети ее чудесным образом были спасены и выведены из темницы. Это произошло следующим образом: однажды ночью явилась находящимся в темнице детям ее Богоматерь, в виде их собственной матери, и сказала:

– Встаньте, дети мои возлюбленные, и следуйте за Мною.

Дети вскочили от радости: между тем, двери темницы растворились сами собою и Богоматерь, выведя оттуда детей, привела их в монастырь в городе Неаполе, посвященный пречистому Ее имени. Это было во время утрени. Приказав им остаться в этой обители, Она убеждала их, чтоб слушались игумена и братию, а в заключение повелевала принять на себя ангельский образ.

– Я, – продолжала мнимая мать, – спустя несколько времени приду к вам: успевайте, дети, в подвигах духовной жизни, и прощайте!

При этих словах Она благословила их и стала невидима. После утрени, принимая благословение от игумена, дети рассказали ему о случившемся с ними – и тот по вдохновению свыше понял из этого, что они выведены из темницы чудесным образом. Прославляя всемогущество Бога, он поручил детей одному из своих старцев для обучения их Священному Писанию и правилам иноческой жизни. Скоро успели они в духовном образовании, и, согласно сердечному их влечению и побуждениям духа, игумен постриг их в иночество и назначил им должность экклесиаршескую. Безусловное послушание, назидательный образ жизни и видимое преуспевание во всех родах добродетелей иноческих скоро обратили на них внимание всей обители: старцы радовались о них и прославляли Бога. Особенно Феофил, нареченный в ангельском образе Филофеем, отличался безропотным послушанием и дивным смирением. Между тем, мать Филофея, не имея никаких сведений о похищенных и отнятых у нее детях, решилась и сама оставить мир и посвятить себя подвигам иноческой жизни. Вследствие сего она оставила Елатию и по

тайному водительству Промысла удалась в тот же город Неаполь²⁸⁸, где и вступила в женскую обитель. Там она скоро приняла пострижение от того самого старца, который постригал ее детей, и наречена была Евдокией. Находясь на таком близком расстоянии, мать и дети решительно не знали друг друга, и в этой неизвестности протекло несколько времени.

Раз, по случаю храмового праздника, в мужскую обитель, где подвизался преподобный Филофей с братом своим, в числе прочих монахинь женского монастыря пришла и Евдокия. Когда кончилась Божественная литургия, младший из детей Евдокии, встретив своего брата, занимавшего должность еkkлесиарха, случайно назвал его вслух по-прежнему мирским именем. При имени Феофила Евдокия вздохнула и, невольно увлекаемая чувством материнской любви, начала всматриваться в лица двух братьев: ее сердце билось невыразимо! Недолго могла она удерживаться от внутренних волнений и порывов материнской нежности: Евдокия подошла к ним, назвала каждого из них по имени, и когда сами братья в старческих ее чертах узнали черты незабвенной матери, – тотчас упали в ее объятия и сладко плакали, благословляя Бога, соединившего их воедино. На

вопрос ее, когда и каким образом освободились они из плена, дети отвечали:

– Ты сама лучше знаешь это; к чему же любопытствуешь? Не ты ли, исхитив нас из рук турок, привела сюда? И не ты ли велела нам жить в сей обители, обещаясь придти к нам?

Мать поняла тайны судеб Божиих: из этого убедилась она в особенном предстательстве Божией Матери и прославила Ее помощь и дивное спасение. На слезы радости и на трогательное свидание матери с детьми ее собралась вся братия и, узнав о чудном происшествии, торжествовала духовно. С того времени Евдокия, оставаясь в обители, до конца подвижнических своих дней служила Богу с большим против прежнего усердием и славилась особенное предстательство Богоблагодатной Девы Марии Богородицы, избавившей детей ее от нечестивых турок, и мирно отошла ко Господу. По ее кончине и дети ее подвизались в своей обители, неукоризненно проходя свое звание и оставаясь образцом подражания для братства. Между тем, враг, всегда завистливый к подвижническим успехам святых людей и ненавидящий добро, видя Филофея на высоте совершенства духовного и не имея собственных сил вредить ему, избрал орудием своего ратования и козней одну девицу. Несчастливая,

Бог вестъ по каким побуждениям сердца вступив в женский монастырь в число непорочных агниц Христовых, имела свободный вход в обитель, где подвизался Филофей – так как настоятель бы духовным ее старцем, – и постоянно встречаясь с преподобным, пленилась его видом, возмутилась преступными движениями плотских страстей и начала искать удобного времени к приведению в действие задуманного греха. Враг, со своей стороны, не замедлил доставить ей случай к тому, и бедная, в безстыдстве своем, решилась не только объясниться в своей злосчастной страсти к непорочному Филофею, но и насильно влекла его к исполнению безпутного ее желания. Напрасно божественный Филофей напоминал ей долг ее, обеты ангельского образа и Страшный Суд Божий за подобное преступление: она не только не внимала его убеждениям, но, видя его непреклонность, как древнего Иосифа, безстыднее первого нападала на него, как новая египтянка. Сначала Филофей в надежде на исправление помраченной скрывал от всех укориженную ее склонность, но впоследствии, видя опасное ее положение и не доверяя своим собственным чувствам в ратовании и брани подобного рода, вынужден был открыться во всем игумену, побуждаемый к тому и

опасением, что мог и другой кто-либо впасть в искусительные сети женской страсти и погубить свой постнический труд. Следствием сего было то, что несчастную выслали из обители, как повинную в соблазне. Между тем, братия, узнав целомудрие Филофея, дивились твердости его и прославляли его, как нового Иосифа, устоявшего противу обольщений преступной страсти. А божественный Филофей, чувствуя со своей стороны опасность и тлетворные следствия человеческой похвалы, решился оставить монастырь. Долго игумен противился его намерению, но наконец, видя непреклонность его мысли, уступил ему. Таким образом, простившись с братией и напутствуемый старческим благословением и любовью, он радостно пошел, подобно жаждущей лани, на святую Гору Афонскую, как в небурное и тихое пристанище. Там, по прибытии своем, он прежде всего поступил в число братства Дионисиатского монастыря, как новоначальный, и все роды послушания проходил с безусловной готовностью и усердием, так что братия и настоятель не могли нарадоваться ангельской его жизни, благодаря Бога за дарование им такого брата. Протекло таким образом довольно много времени; Филофей, чувствуя необходимость безмолвия

после многолетних трудов послушания, решился удалиться в какую-нибудь из соседственных пустынь. Чтоб не было со стороны обители препятствия к исполнению давнего и сердечного желания, он притворился глухонемым, следствием чего и было то, что ему позволили вести себя так, как угодно было ему самому. Тогда-то, удалившись из обители, он погрузился в невозмутимую тишину пустыни, отстоявшей на шесть стадий от обители, и, исключительно посвятив себя молитвенным подвигам, хранил строгий пост, часто по целой неделе ничего не вкушал, а если и вкушал когда, то лишь хлеб с водою. При таких подвигах и строгих лишениях плоти, как и прежде он не избег упорной брани и искусов завистливого сатаны, который, не надеясь увлечь его в сети адского своего ловительства обыкновенными средствами, решился ринуть его со скалы в пропасть и таким образом положить конец его подвигам. Для этого сатана принял жалкий вид человека, потерпевшего кораблекрушение. Явившись на одной из соседственных прибрежных скал, он жалобно кричал и умолял преподобного сойти и помочь ему в бедственном его положении. Не подозревая тайных покушений врага, преподобный, тронутый несчастьем мнимого человека, спустился к нему, желая знать, чего он

хочет, и едва только приблизился к нему на отвесный край скалы, сатана ринул его в пропасть, но не успел в своем чаянии. Бог сохранил раба Своего совершенно невредимым. Вслед за тем напали было на преподобного разбойничавшие на море турки: при виде их ученики святого (их было трое) в испуге скрылись в лесу, а преподобный, без смущения и боязни оставаясь в келье, перекрестился, воздел руки свои к небу и молил Господа, чтоб Сам Он, спасший Израиля от рук фараона, спас и его с учениками от разбойнического нападения. Едва только кончил он молитву свою, море разыгралось и турки, видя опасность для своих кораблей, готовых разбиться о прибрежные скалы, погрузились на них и скрылись из виду. Снова спасенный таким чудным образом от опасности, преподобный Филофей усерднее прежнего подвизался с учениками и так угодил Богу своей строгой жизнью, что удостоился наконец дара прозорливости. Однажды в Ватопеде, на празднике, за Литургией, святой во время великого выхода увидел ворона, кружившегося над одним из служивших иеромонахов: из этого он понял, что несчастный служитель алтаря недостойно совершает Божественное свое служение. Преподобный кротко заметил иеромонаху о чрезвычайной

важности иерейского служения и, наконец, убеждал его оставить священнодействие, что тот и принял со смирением. Таким образом, дивный Филофей, постоянно возвышаясь по степеням подвижничества к совершенству духовной жизни, наконец достиг глубокой старости и мирно почил смертным сном, будучи 84 лет от роду. Когда настал час праведнической кончины, преподобный строго запретил ученикам погребать его тело, велел бросить оно с безчестием в лес на расхищение и в снедь зверям и птицам, что ученики и исполнили в точности по смерти его. Но Бог, прославляющий святых Своих и возвышающий смиренных, не допустил его мощам оставаться в безвестности и уничтожении. Один старец, занимаясь рыболовством, остался переночевать на море. Только пред утром вдруг видит в лесу чрезвычайный свет: приняв это за обыкновенный свет от разведенного огня, он пошел туда для того, чтоб погреться. Но каково было его удивление, когда он вместо огня находит череп, уложенный на рассыпавшихся костях, от которого исходил удивительный свет и сиянием своим озарял соседственные места! Пораженный чудом, он сначала затрепетал и хотел удалиться оттуда, но потом ободрился, пал пред смертными останками неведомого

угодника, так дивно прославленного по смерти Богом, и, взяв их, удалился в свою келью с тем, чтоб такое безценное сокровище скрыть у себя. Однако ж Богу не угодно было это. В следующую же ночь старец видит во сне преподобного Филофея, который грозно приказал ему немедленно отдать главу ученикам его, что старец тогда же и исполнил, рассказывая им о виденном им чуде. Как Божественный дар, как залог старческих молитв и благословения свыше ученики приняли главу преподобного своего учителя и, прославляя Бога, так прославляющегося во святых Своих, просили его помощи и содействия к достойному хождению по стопам дивного старца. Преподобный Филофей скончался 21 октября, и ныне, наслаждаясь нескончаемым блаженством во светлости святых, немолчно славословит Святую Троицу, Ей же и от нас подобает слава и поклонение во веки. Аминь.

* * *

287

Из Neoz paradeisoz.

288

В М. Азии.

